

“просто раздавить сепаратизм”

Сергей Доренко — Газете

В конце ноября 1994 года, за две недели до «официального» начала первой чеченской войны, 35 российских офицеров-танкистов попали в плен к отставному советскому генералу Джохару Дудаеву. Это случилось после бездарно организованного штурма Грозного так называемыми силами оппозиции. Вскоре после того, как тогдашний министр обороны России Павел Грачев фактически отрекся от пленных, тележурналисту **Сергею Доренко** довелось побывать в Грозном, где он сопровождал делегацию депутатов Госдумы, пытавшихся договориться с Дудаевым об освобождении танкистов. Своими воспоминаниями о тех днях он поделился со специальным корреспондентом Газеты **Надеждой Кеворковой**.

Как получилось, что наши попали в плен еще до «официального» начала боевых действий?
Еще с лета мы получали для программы «Подробности», которую я делал на российском ТВ, репортажи из Северной Осетии, где антидудаевские оппозиционеры готовили вторжение в Чечню. В журналистских и политических кругах все тогда считали, что руководят этой операцией Евгений Савостьянов (тогдашний глава московского УФСК. — **Газета**) и Сергей Шахрай (министр по делам национальностей. — **Газета**). Тогда, в 1994 году, планировалось придать ей видимость такого внутричеченского столкновения — вот, дескать, оппозиция, лояльная России, воюет с незаконным режимом. Такие горячие парни! Танкистов для этой операции, как я узнал уже позже, вербовали среди наших офицеров. 26 ноября, когда произошло вторжение этих якобы оппозиционеров в Грозный, произошла трагедия. 35 наших танкистов попали в плен, многие сгорели, а пехота оппозиции разбежалась без боя. Тогда Грачев и заявил: «У меня пленных в Чечне нет».

Как вы очутились в Грозном?

27 ноября мне позвонил Сергей Юшенков (тогда депутат Госдумы. — **Газета**), сказал, что едет договариваться об освобождении пленных и берет с собой прессу. Мы вылетели из Внуково-3 с Эллой Памфиловой и Владимиром Лысенко (депутаты Госдумы. — **Газета**). Прилетели в Моздок, тут военные отказались нас дальше пускать. Юшенков, в прошлом политрук, знал, на что надавить, начал страшно скандалить — и это возымело действие. Сели, наконец, в вертолет до Назрани, где Аушев (тогда президент Ингушетии. — **Газета**) еще три часа договаривался, чтобы нас пропустили в Грозный. В итоге доехали на «рафиках». На центральной площади полно народу, старики танцевали зикр (молитвенное суфийское кружение, исполняемое исключительно мужчинами. — **Газета**). Мы поселились у одного человека — не помню, как и зовут. А 30 ноября поехали к Дудаеву.

Вы тогда в первый раз его видели?

Да, в первый. Он был как будто наэлектризован — его трясло, он весь ходил ходуном в счастливом возбуждении. И все время восклицал: «Мои ребята их сделали, мои ребята вспали». Думаю, до 26-го он не верил, что одержит верх в боевом столкновении. Ведь он был советским военным, генерал-майором, он был убежден в абсолютном

превосходстве военной машины над шпаной — не мог же он своих ополченцев сравнивать с регулярными частями. А когда шпана вспала военной машине... Он бегал по кабинету вокруг нас, у него лицо все двигалось, руки ходили ходуном, и он без конца повторял в восторге: «Я не верил, что мои ребята смогут». До нападения оппозиционеров на Грозный 26 ноября с Дудаевым еще можно было разговаривать. А после этого он в своих поверил — и говорить с ним было уже не о чем.

Переговоры при вас начались?

Да, но на самих переговорах я не присутствовал — они шли между Юшенковым и Дудаевым. Потом мы пошли в подвал президентского дворца. Там и сидели наши танкисты — мальчишки, с глазами обычных мирных людей. Все — офицеры, не старше 30, но у них был только один бой — даже не бой, а расстрел. Затем, после января, люди пошли уже совсем другие — стреляные и повидавшие много человеческого мяса, окопные машины. Глаза у этих были другие: устало-пустые. Танкисты уже знали, что Грачев сказал о том, что пленных у него нет. «Значит, — сказал им я, — и вас как бы нет теперь, ребята. Ни в части, ни в армии, ни в плену вас нет, но я хочу, чтобы вас увидели матери». Вот с этого мы и начали снимать. Они называли имя, кто-то говорил: «Мама, я жив». Другие говорили: «Спасибо, Грачев, что нас предал». Многие рассказывали, как их вербовали: это делал первый отдел, им предлагали деньги за этот поход — не помню сумму. На имя командира части они должны были написать заявление, что берут отпуск «по семейным обстоятельствам». Один писал, например, «в связи с болезнью отца», другой — еще что-то, а диктовали все это особисты. Все они были «наро-фоминские», «кантемировские» и из солнечногогорского «Выстрела». Когда они исчезли, и родители стали беспокоиться, в части им отвечали: «Они же у вас, они же домой поехали».

Каково было отношение к пленным?

Их кормили. Унижения или оскорблений не было. Хотя их держали в непригодном помещении, за решетками. Спали они на кое-как брошенных матрасах. Чеченец, который за ними наблюдал, отходил, чтобы мы могли остаться одни и поговорить. Несколько ребят нам отдали: не помню точно, двоих, троих или шестерых. Мы их увезли. По дороге нас бомбили...

Кто бомбил?

Наши и бомбили, у чеченцев авиации не было. Над Грозным постоянно висели зажигательные бомбы — как будто ночью солнце вспыхивает. А в Моздоке каждые пять минут, это мы тоже наблюдали, садились Ил-76 с войсками. Хозяин дома, где я ночевал, спросил меня, будет ли война? Он делал ремонт и не знал, продолжать или нет. Я ему ответил: ты, старик, строй, твое дело — строить, но война будет — что же, они сюда прилетели, чтобы так просто обратно улететь?

В чем, по-вашему, коренится чеченская проблема?

Эта война с самого начала шла в Москве. И двигал дивизию туда, а NN останавливал дивизию или вел ее в западню. Война в Чечне, особенно первая, была предательской. Офицеры не верили своим командирам, командиры не верили Министерству обороны, и все вместе не верили политическому руководству, потому что были убеждены, что их предадут, что мелочные дрязги в московских кабинетах приводят к гибели сотен ребят. Чеченцам продавали планы наступления — это факт. Когда Басаев, выходя из окружения в Грозном, лишился ступни — это, правда, случилось уже во время второй чеченской, план этой операции тоже был сдан через предателя. Казанцев (тогда заместитель командующего объединенной группировкой федеральных сил в Чечне. — **Газета**) рассказывал мне, что он сам разработал этот план, ни с кем не делился, боясь утечки. А публично он выставил такой план, в котором было «окно», через которое из Грозного можно было уйти. Вот этот план из штаба кто-то скинул Басаеву — поэтому он в коридор и пошел, но тут его и его людей и накрыли огнем. Ужас деградации политического руководства имел место, но существовало и много других плоскостей. Существовал, например, реальный бизнес на фальшивых авизо, который делался чеченцами совместно с Москвой.

Как из нее выбраться, из войны этой?

Идею независимости Чечни я исключаю. Чеченцев всегда боялись их кавказские соседи. Они себя всем противопоставляли: есть стадо рабов, и есть чеченцы. В советское время часть чеченцев ограничивал страх плетки. Но вот плетка исчезла, и они снова стали резать головы и красть скот. Я сторонник войны. С Чечней мы должны поступить так — просто раздавить сепаратизм. А дальнейший план прост. Русский генерал-губернатор на 25 лет. Создание рабочих мест. Срочные оперативные мероприятия по прекращению финансирования чеченских бандитов из России и из-за рубежа с применением всех возможных правовых, а если потребуется, и внеправовых мер. Создание сети школ-интернатов для чеченских детей, где им прививали бы приверженность к основным гуманитарным ценностям и обеспечивали приличное образование. И наконец, переселение горных чеченцев на равнину: так мы сможем их контролировать и оградить от контактов с бандитами.

Российские мотострелки на улицах Гудермеса... Фотограф: Наталья Медведева

...и в Аргунском ущелье Фотограф: Наталья Медведева